

Экран и сцена. —
1997. — 9-16 янв. —
С. 4.

В петербургском Доме кино без суеты и в отсутствие ажиотажа прошел вечер “Петербург Набокова”, программа которого подразумевала премьерный показ одноименного документального фильма режиссера Сергея Шурина и видеофильма режиссера Татьяны Андреевой “Дмитрий Набоков”. В особняке на Караванной улице часть публики перекочевала из особняка графини Карловой на Фонтанке, где презентовали одиннадцатый номер журнала “Звезда”, всецело посвященный Владимиру Набокову. Но об этом набоковском номере, который можно было приобрести и в фойе Дома кино, требуется разговор отдельный. Здесь же — о фильмах “Петербург Набокова” и “Дмитрий Набоков”.

Известна легенда, что Набоков под чужим именем однажды тайно посетил оставленные берега. Известно также, что на самом деле, покинув Петербург в восемнадцать лет, он никогда сюда больше не возвращался. Петербург остался в его памяти и в его книгах — призракным полувоспоминанием об утраченном детстве. Его сын Дмитрий Набоков говорит, что отец уподоблял процесс сочинительства — проявке (неуклюжее слово) пленки,

которая уже прокручивается без его ведома в сознании. Авторы “Петербург Набокова” взялись проявить пленку набоковских воспоминаний о Петербурге. Но если писатель имел дело с карандашом, ластиком и карточками (иного способа писать не признавал), то кинодокументалисты — с целлулоидом, к которому попытались прищипить набоковскую бабочку. Получилась короткая двадцатиминутная экскурсия-ликбез, предпринятая с

по Фурштатдской, где жила его первая любовь, прообраз Машеньки из одноименного романа, Валентина Шулгина. Рядом — Таврический сад, приют двух влюбленных. А в другом конце Фурштатдской — дом, где родилась его будущая жена Вера Слоним, с которой ему доведется познакомиться уже в Берлине.

Нехитрый видеоряд перемежает ракурсные съемки фасадов с архивными фотографиями, а закадровый текст — набоковские цитаты

слого писателя Владимира Набокова и сообразно с рекомендациями фильма “Петербург Набокова” аллюром пробегут по указанному маршруту с видеокамерой в руках.

Таким вот заезжим туристом с видеокамерой предстает Дмитрий Набоков в фильме режиссера Татьяны Андреевой. Предстает непривольно, поскольку не любопытства ради навестил он Петербург жарким летом девяносто пятого. Чтобы соста-

ские сезоны”, не скрывающей своего зеленоватого вялостного оттенка. Чего стоит один лишь финальный титр “Дмитрия Набокова”, приглашающего посетить наш город как будущую столицу Олимпийских игр? Того же, чего и сам фильм — виньетки новодельного орнамента. Разумеется, ему не обойтись без новорусских плясок и хлеба-соли, которыми отпечевали высокого гостя радушные хозяева погоревшего несчастливого Рождествена. Угоще-

рифмуют визит сына с мнимым возвращением отца: хроникальные кадры, запечатлевшие проход пожилого писателя по западной улочке, наложенные на видовые кадры современной Сиверской и озвучены классическим набоковским текстом: “Быть может, когда-нибудь, на заграничных подосвах и давно сбитых каблуках, чувствуя себя привидением, несмотря на идиотскую вещественность изоляторов, я еще выйду с той станции...”

Что здесь скажешь? Рифма вздорная. В конце концов, сын просто приехал в город своих родителей, о котором знал по их воспоминаниям и книгам отца. Ведущий вечера, ответственный секретарь “Набоковского фонда” и неутомимый подвижник Вадим Старк перед просмотром фильмов прочитал стихотворение Владимира Набокова “Кинематограф”. А я скромно закончу последними его строчками, где повествуется о парочке, вышедшей по окончании сеанса из кинозала: “И со своей подругою приказчик, встречая ветра влажного напор, держа ладонь над спичкою горящей, насмешливый выносит приговор”. Если кто-то сочтет меня приказчиком — не обижусь. Но под его приговором — подписываюсь.

Мертвая бабочка на целлулоиде

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

самыми благами помыслими и тактом, однако жанровых признаков не утратившая.

Как по клавиатуре, пробежали авторы по укромным петербургским набоковским уголкам, которые принято называть памятными местами. Вектор движения камеры совпал с вектором судьбы. Вот дом по Большой Морской, принадлежавший Набоковым. Комната матери, где писатель родился. Александровский сад, где гулял с ним в детстве. Тенишеское училище, где он учился. Дом

и лаконичные комментарии к тому или иному фрагменту петербургского ландшафта. Фильм “Петербург Набокова”, снятый при благородной поддержке Фонда культурных инициатив (Фонда Сороса), не стал, да и не мог стать рассказом о Петербурге Набокова с ударением на последнем слове. Нисколько не желаю обидеть авторов проекта, но идеальный адресат их фильма — благодарное племя иноземных туристов, которые живо интересуются русским прошлым американ-

цев. Представление об этом колоритном великане с язвительным отцовским умом и не утраченным чувством русского языка, следует прочитать запись его выступления в Национальной Российской библиотеке, опубликованную в уже упомянутом номере “Звезды”.

В фильме вошли лишь фрагменты, показавшиеся авторам наиболее эффектными. Фрагмент в данном случае — ключевое слово. Поскольку сам фильм — фрагмент серии “Петербург-

ние в невинном расчете на туриста с невзыскательным вкусом, каковым уж кто-кто, а Дмитрий Набоков не является по определению. И не стоило камере следить за сыном, снимавшим для себя на видео дом отца. Тем самым непроизвольно оплошится излюбленная набоковская игра в двойники и отражения (хотя сам автор присутствие темы двойничества в своем писательстве категорически отвергал).

Создатели “Дмитрия Набокова” ничтоже сумняшея

Набоков Рубинштейн

В.О.Г.97